

785156

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ПУТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ



ТЕОРИЯ ПРО-
СВЕЩЕНИЯ,
МЕТОДОЛО-
ГИЯ, ПРОСВЕ-
ДИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИКА, ЖИ-
ЗНЬ



№ 2

ИЮНЬ

1922

А Р Ь Н О Б

А. Попов.

Факультет социального воспитания Харьковского ИНО.

I. На „целине“.

В процессе советского строительства вопрос о „советизации“ высшей школы имеет совершенно своеобразное и при том весьма важное значение. „Брать быка за рога“ надо было именно отсюда: овладеть высшей школой—для молодого рабоче-крестьянского государства—значило—овладеть одним из главных рычагов, направляющих развитие пролетарского хозяйства и культуры.

За последние годы мы видим целый ряд таких овладений. И нужно признаться, что наиболее ценные из них—те, которые выросли, так сказать на „целине“, поднятой в процессе советского строительства. Попытки реорганизовать в новом направлении какой-либо старый университет или институт всегда оказываются менее удачными, чем построение новой высшей школы—на почве, не засоренной буржуазными традициями университетов и институтов доброго старого времени.

Ряд рабфаков, высших партшкол, такие учреждения, как Донецкий техникум*), как Московская академия соц. вос. **), наконец, некоторые из наших факсоцвосов,—поскольку последние выросли независимо от реорганизации старых университетов и институтов,—живут полной жизнью, бодро глядят в будущее, не боятся настоящего и с восторгом вспоминают свое пока еще короткое, но преисполненное героической борьбы прошлое,—борьбы за новые цели, задачи, методы и формы, за новую рабоче-крестьянскую высшую школу.

Об одном из таких учреждений—Харьковском факсоцвосе—и идет речь в настоящей статье.

II. Педагоги без педагогики.

В течение более чем сто лет Харьковский университет выпускал из своих стен кадры врачей, юристов и... просто „университетски-образованных“ интеллигентов—филологов, натуралистов и математиков. Для 99% этой последней группы выход по окончании университета был один: роковым образом шли они в учителя средней школы на различные амплуа математиков, физиков, словесников, историков, и т. д., и т. п.

*) См. „Путь Просвещения“, 1922, май, Харьков.

**) См. „Социальное воспитание“, 1921, июнь-июль, Москва.

Это были поголовно — „педагоги без педагогики“, так как ни университетские факультеты не ставили себе никаких „педагогических“ заданий *, ни сами студенты, поступавшие в университет для изучения „чистой науки“, об этом не думали.

По окончании курса чистой науки, юный ее жрец с сомнением и разочарованием надевал на себя учительский сюртук „с двумя звездочками и двумя полосками“ на лацканах („чиновник VIII класса“), входил на кафедру и со страхом взирал на те 40—50 детских головок, что испытующе-насмешливо поглядывали на него из-за парт. Первый же сеанс с убийственной объективностью убеждал нашего университетски-образованного интеллигента VIII класса в том, что те два элемента школы: *ребенок* и „*предмет*“, между которыми он призван установить известные взаимоотношения,—оба они ему абсолютно неведомы. До сего времени ребенок был для него чаще всего тем существом, которое „вертится под ногами“ или, скажем, „мешает заниматься“, а не то—„учеником“, которого за медные гроши надо с проклятием в душе готовить к переэкзаменовкам. С „предметами“ он также знаком слабо, ибо за мощной толщей университетской чистой науки их очень часто вовсе не видно.

Что из всего этого выходило,—достаточно хорошо известно всем... хотя надо сказать правду: обывательская масса и не подозревает обо всех тех кошмарах старой школы, которые становятся очевидными только теперь, в процессе ее ломки и строительства школы новой, и отдельные скрытые уголки того школьного „ада“, о котором писал еще старик Ушинский,—во много раз ужаснее того, что в этом отношении пользуется общепризнанной известностью. Особенно это касается той школы, которая создавалась руками „педагогов без педагогики“—питомцев старых университетов. Эта школа убийственно-верно и методически-последовательно, хотя медленно и тупо, а потому, м. б., и мало заметно для „невооруженного глаза“,—терзала, калечила и убивала ребенка. А палачей... невольных и без вины виноватых палачей подготавливал университет.

Мы говорим не об „учителях-мучителях“ Помяловского и Свидяницкого, не о Передоновых и „людях в футляре“: в подготовке этих типов трудно обвинять именно университет. Нет! Мы говорим о совершенно нормальном учителе гимназии — „добром“ или „строгом“ — безразлично, но неизменно с бесспорным убеждением в том, что главной обязанностью каждого „ученика“ является: „при отличном поведении оказывать не менее, как удовлетворительные успехи в учении“, а обязанностью каждого „учителя“ — ставить в центр своей будто-бы „педагогической“ деятельности — свой предмет, и с сознанием честно выполняемого долга — систематически и планомерно укладывать каждого ребенка в прокрустово ложе этого предмета.

Это была инквизиция, но это было то, к чему готовила дореволюционного „педагога“ его alma mater. Сходноцентризм или, если угодно—предметоцентризм был в его руках самым жестоким оружием против ребенка.

*) В Харьк. ун-те спортивно-обязательный курс педагогики на ист.-фил. фак., и поставлен был из рук вон плохо.

III. Ex nihilo...

Гранул гром революции. Запатались „основы“. Захрихтел и свыше столетний старец—Харьковский университет: началась его советизация.

Сначала он по отселении медицинского и юридического факультета был преобразован в академию теоретических знаний и, наконец, академия эта—в Ино. „Фаддей роди Ивана, Иван рода Петра“,—как писал, правда, несколько по иному поводу, Пушкин.

Физ.-мат. и ист.-фил. фак. ун-та составили факпрофобр Ино, который впитал в себя все наследство старого ун-та: и профессиру, и студентов, и помещения, и кабинеты, лаборатории, музей, библиотеки—словом, все ресурсы*), богатства, а главное вместе со всем этим—и все традиции покойного дедушки.

А с осени 1921 года к факпрофобру стали сбоку пристраивать и факсоцвое, но уже на чистой „целине“, или, как сказано в легенде о сотворении мира—„из ничего“.

Молодой факультет несколько, конечно, не сожалел о том, что он не получил ни от кого старых традиций в наследство. Но он со справедливой завистью поглядывал на своего „старшего брата“—факпрофобр, успевшего ко дню рождения „младшего“ забрать себе все „существенное“ из „наследства“.

Буквально-таки ничего не осталось факсоцвосу от „дедушки“. Мы не говорим уже о необходимых специалистах по таким дисциплинам, как педагогика, педология, психология, без которых построение факсоцвosa немислимо,—их не имел ни ун-т, ни А. Т. З., но даже хотя бы одной комнаты в *полное* распоряжение факсоцвosa не могли мы добиться, несмотря на все усилия: все были заняты факпрофобром и Инярхозом, все были нужны для нужд старых или подновленных кафедр... „не разрушать же их“.

Но молодой факультет хотел жить. И начал строиться „из ничего“.

IV. Профессура.

5 октября 1921 г. состоялось первое заседание факсоцвosa. Кто ж были его „первые портные“? Кто были эти работники „по целине“?—Здесь встретились две резко отличных одна от другой группы людей. Разница была, начиная с костюмов, выражения глаз, употребления слова „товарищ“ или „коллега“—и кончая титулами: профессор или просто—преподаватель.

Одна группа—люди, никогда не „подготавливавшиеся к профессорскому званию“ и не состоявшие ни „профессорскими стипендиатами“, ни аспирантами; напрасно было бы искать на них печати академизма... но на них ярко горела красная печать соцвosa, но они любили и знали ребенка: и практически (высокий качественно, а для многих—и количественно—стаж по работе с детьми), и теоретически (горячее изучение педологического движения в Америке и Европе). Начиная с 1918 года, они своими силами провели длинный ряд краткосрочных и долгосрочных курсов по подготовке работников соцвosa, горячо переживая и внимательно посматривая каждое достижение в этой области

*) В вечернюю смену всем этим отчасти пользовался также Инярхоз.

и каждую неудачу. Не столько ученые педагоги-теоретики, сколько педагоги-искатели и, м. б., если угодно, „мечтатели“—по крайней мере—в отношении своего прошлого, когда они в глубоко „антипедагогических“ условиях дореволюционной эпохи мечтали организовать в Харькове „Педагогический музей“ для борьбы с тем школьным „адам“, о котором мы писали выше. В огне и буре коммунистической революции они нашли впервые возможность из „мечтателей“ превратиться в деятелей, начать осуществление своих исканий... Они первыми пришли и на факсовос.

Другая группа—профессора, преподаватели, ассистенты и аспиранты—из факпрофобра, мединститута и т. п., так или иначе откликнувшиеся на призыв к организации нового еще невиданного доселе факультета, но с некоторой вопросительной подозрительностью поглядывающие в сторону первой группы.

Тогда—на первом заседании—возможность слияния обеих этих групп казалась весьма и весьма проблематичной. Сейчас—после 8-месячной совместной работы—видишь, какие тонкие и в то же время совершенно прочные нити взаимного понимания и уважения протянулись между ними, насколько установился общий язык, единство задач и методов. Есть „разнобоб“, есть порой и непонимание и несогласие, но черты единства сильнее и выразительнее всего этого.

Как же оно было достигнуто? В дальнейшем—при рассмотрении жизни факсовоса—придется не раз отмечать те пункты, на каких устанавливалось это единство. Сейчас же пока заметим, что процесс этот не всегда проходил безболезненно. Не все те, кто начал работу, остались до конца: некоторые сотрудники ушли в разное время, на смену приходили новые.

Сейчас у нас 9 заведывающих кафедрами (4 кафедры вакантны) и 16 ассистентов; из этих 25 сотрудников—профессоров 6, преподавателей с академическим стажем и пензом—8 и без них—11. Формирование персонала далеко не закончено, поскольку не закончено и формирование студенчества: мы проработали пока лишь 2 триместра, а растем мы последовательно, начиная с первого триместра, не допуская никаких скачков.

Для того, чтобы закончить общий обзор лекторского состава факультета, необходимо указать на следующие тяжелые наши дефекты в этом отношении: это, во-первых, то, о чем мы уже упоминали,—мало у нас тех сотрудников, каких должно было бы быть больше всего,—ученых педагогов, педологов и психологов; мало их имела дореволюционная Россия, все еще мало их в Советской Украине, почти никогда не имел их Харьков, бедны ими и мы; и второе, что, кажется, способно погубить нас—это невозможность для молодого и „доселе невиданного“ факультета создать, если не „кадр“, то хотя бы группу сотрудников, для которых работа на факультете была бы основной их работой; мы приближаемся к этому, но все же и до сих пор мы не имеем ни одного лектора, который мог бы отдаться нам целиком, каждый из нас совмещает работу на факсовосе с иной работой: на факпрофобре, в мединституте, в Наркомпросе, на заводе, в школе и т. п. Правда, пока у нас

лишь 2 триместра, ни один из нас не может еще иметь на факсоцвосе столько работы, чтобы она охватила его до конца.

V. Студенты.

В день открытия факультета у нас было всего деш 40 студентов. И опять так—две группы.

С одной стороны, здесь была небольшая, но довольно компактная, группа бывших курсантов тех кратко- и долгосрочек по соцвосу, о которых мы уже упоминали. Были в этой группе и старые школьные работники (немного), искренне примкнувшие к новому соцвосному движению; были и юные дошколяницы—более или менее ярые приверженцы чисто „дошкольного“ воспитания—в прошлом, но на соцвосных курсах уже получившие некоторую соцвосную прививку—в смысле приобретения склонности к охватыванию единым воспитанием всего ребенка; были и совершенные новички в педагогической работе (очень немного), или молодежь с полугодовым-годовичным стажем; было немного и уже чистых соцвосников—сотрудников детских домов, приемлющих целиком систему социального воспитания с ее „маяком“—дет.-домом. Но всех их объединяло одно: они знали, чего хотели, когда шли на факсоцвос,—социальное воспитание детей, понимаемое, как организация детской жизни в коллективе—было их жизненной задачей, за разрешение которой они готовы были бороться со стойким напряжением. Зародившееся у них вследствие, б. м., совершенно различных причин—соцвосное настроение было сильно укреплено и развито, а главное—унитаризировано на вышеупомянутых долго- и краткосрочках, которые не только идеологически и морально сплотили их, но и установили между ними тесные личные отношения, и на факсоцвос они сошлись, как старые товарищи, как коллектив—с единой волей и единым педагогическим целью—для углубления и повышения своей соцвосной квалификации. Их личная, или вернее коллективная идейная связь с теми преподавателями факсоцвоса, которые раньше были их лекторами и руководителями на курсах по соцвосу, была весьма ценной предпосылкой создания того факультетского ядра, которое могло с первых же шагов выступать в своей работе организованно и с максимумом взаимопонимания. Заметную часть этой группы составляли коммунисты.

Другая группа состояла из людей, имевших весьма неясное представление о системе социального воспитания, а, значит, тем более—о факсоцвосе. Часть из них шла в университет, а очутившись, к своему глубокому разочарованию,—в Иво, и, не разбираясь еще в новых факультетах, попала случайно к нам. Впрочем, эта ошибка была исправлена: целая группа таких студентов факсоцвоса через месяц-два благополучно перекочевала на факпрофобр. Другая часть шла на факсоцвос в поисках академической педагогики и методики типа старых учительских институтов, но, разумеется, ступенью выше. Эта группа долго и упорно боролась за воцарение „теоретически-научных“ традиций на нашем факультете: требовала „лекций“ (университетского типа), экзаменов, презирала наши семинары и практикумы, и при каждом удобном случае обвиняла факсоцвос в отсутствии „научности“. Под конец часть этой группы

акклиматизировалась у нас, часть — опять-таки ушла на факпрофобр или в иные Вузы.

В нашем распоряжении имеются весьма ценные материалы, рисующие чрезвычайно живую и многогранную картину борьбы, движения, напряженной работы, побед и поражений в студенческой среде факсопвосо — в течение прожитых нами 8 месяцев. Те или иные группировки студенчества выступают тут в самых разнообразных позициях и направлениях. Но неизменным остается одно — все они выступают, как активные строители *своего* факультета. Кому он оказался чужим, — те ушли, и не могли не уйти. Кто же остался, — те остались крепко, сплоченные уже воедино, в один коллектив, объединивший все боравшиеся когда-то между собою группировки.

Об этом можно написать целую книгу. Здесь мы принуждены ограничиться лишь краткой историей создания этого коллектива и характеристикой его содержания. Но об этом — в дальнейшем.

Что же все-таки представляют собою наши студенты? — Один из них так характеризует своих товарищей: „значительное большинство их — это молодые сельское учительство, пытавшиеся уже на практике творить новую школу, но увидевшие свою неподготовленность к этому; из сел принесли они и привычку к труду, и массу сырого материала наблюдений и опытов, нуждающегося в научной обработке *).“. По последним данным, на факсопвосо состоит до 62% студентов с педагогическим стажем.

Для характеристики студенчества в иных отношениях — можно привести нижеследующие данные: женщин у нас около 67%; студентов с *законченным* средним образованием — около 65%; принимали достаточно активное участие в работе факультета („успевающих“) 73%.

Общее число зарегистрированных в течение 2 триместров — 154 человека, из них часть в силу разных причин отпала, часть по разным причинам не работает на факультете. После всех этих вычетов остается 112 студентов, более или менее успешно и регулярно работающих; из них около половины составляют то небольшое, но могучее ядро факультета, тот первый отряд оповосной гвардии, на который рабоче-крестьянское государство вправе возлагать в будущем серьезные надежды.

VI. Ресурсы.

Для того, чтобы закончить краткое обозрение „статик“ факсопвосо, вернее — обозрение того материала, из которого строилась его 8-месячная жизнь, формировалась его „динамика“, — мы от профессуры и студенчества должны перейти к рассмотрению внешних условий их работы, — тех материальных ресурсов, какими обладал факультет.

Начнем с помещения. Как мы уже говорили, его нам не дали. Нам разрешили пользоваться в определенные часы — и то — лишь днем (вечером — иннаркоз) — тремя-четырьмя аудиториями, да под конец первого триместра —

*) Статья о факсопвосо в „Вістях“ ВУЦИК'а от 29 декабря 1921 г.

для канцелярии, деканата и всех наших комиссий — дали одну проходную комнату, совместно с 2-3 студенческими организациями фавпрофобра и иннархоза. 2 стола с взломанными ножками, да полученный в конце 2-го триместра разбитый шкаф — вот весь живой и мертвый инвентарь, который удалось добыть нам после переписки и известной борьбы. Старый университет упорно не хотел пускать нас в свои толстые стены — даже после своей смерти: те угрюмые взгляды, какими встречали нас его наследники, — ясно показывали ту „фамильную“ подозрительность к новому факультету, которая никогда не прекращается и не забывается.

Нам оставалось одно: махнуть рукой на „наследство“ и устроиваться на стороне. Так мы и сделали. Мы нашли приют в дневном детском доме имени В. Гринченка, в котором „в тесноте, да не в обиде“ и работали по вечерам.

Надо сказать, что студенты наши на 80-85% — народ, занятый утром на работе: в школах, в детских домах, в советских учреждениях, на фабриках и заводах, на железной дороге и т. п., и для них утренние занятия были невозможны.

Тяжело приходилось с отоплением, освещением и уборкой помещения. Приютивший нас детский дом не мог дать нам, разумеется, ни того, ни другого, ни третьего. И здесь выход мы нашли — в своих собственных силах. Пока ремонтировалось электрическое освещение (длинная это была история!), студенты и преподаватели по очереди носили свой керосин, и занятия были обеспечены. Из Ино доставляли нам минимальное количество бревен на топливо, и мы сами (студенты и преподаватели) резали и рубили их, чтобы отапливать железные переносные печурки детского дома, где мы работали. Служители нам долго не давали, и убрали мы наше помещение вплоть до уборных — сами.

Нечего, конечно, и говорить о том, что никаких собственных учебно-вспомогательных учреждений у нас вначале не было. Ведь, как ни как, *ex nihilo — nihil fit*. Об университетском „наследстве“ мы уже говорили, а завести сразу новое оборудование было выше наших сил.

По нашим расчетам нам сразу же необходимы были: 1) библиотека, 2) студии изобразительных и муз.-вок. искусств, 3) мастерские и музей по трудоведению с опытными сел.-хоз. учреждениями, 4) кабинет эксперимент. психологии, 5) кабинет и лаборатории по биологии, анатомии с физиологией и педиатрии с гигиеной, 6) физический кабинет, 7) математический кабинет. Где же выход?

Педагогическая литература никогда в Харькове не пользовалась большим распространением (как и педагогика!), и составить в Харькове педагогическую библиотеку, без которой факсовое немислим — задача не из легких. Книжный голод наш факультет испытывает со дня рождения и до сего дня. Но все-что в этом направлении сделано.

Мы раскопали старую будто-бы „педагогическую“ библиотеку школьно-педагогического музея бывш. Харьк. учебного округа. С момента ликвидации „округа“ и до 1922 года — в течение, примерно, 4-5 лет библиотека эта лень

за днем покрывалась толстым слоем пыли, с'едалась мышами и молью, гнила и „процветала“ в сыром помещении, числясь за Харьк. губоно. Наркомпрос — в результате наших настойчивых домогательств—передал музей с библиотечной нам, и вот тут губоно чуть ли не впервые за 4 года вспомнил о своих „хозяйских“ правах (и обязанностях?). Начинается борьба с губоно. Победили мы. Библиотека, правда,—слабенькая: лучшие педагогические издания, оказывается, из года в год изымались на всякого рода педагогические выставки и курсы и назад не возвращались. Но все-таки кое-что есть. Если к этому прибавить ту горсточку книг, что свесли для „коллективного пользования“ студенты и преподаватели, да и ту горсточку, что купили мы на 2 миллиона, отпущенных нам Ино,—то получится нечто такое, что нашего голода никак не удовлетворит (в библиотеке бывш. „округа“ больше осталось суррогатов, чем „педагогического хлеба“), но что является первым камнем строящегося здания.

В старом университете были и кабинет эксперимент. психологии и физический, и биологические и математические кабинеты, но все они в своем университетском виде весьма мало подходили к нашим требованиям, а о приспособлении их к факсовосу не приходилось и мечтать, так как нам решительно заявили, что кабинетами этими мы можем пользоваться не иначе, как с особого разрешения со стороны соответствующего заведывающего—профессора факпрофобра, и то лишь при том счастливом совпадении, когда наш допускаемый в кабинет ассистент является в то же время и ассистентом факпрофобра.

Словом, надо было заводить свои кабинеты. И что же? Усилиями нашей кафедры биологии с прибавлением ресурсов все того же школьно-педагогического музея мы имеем сейчас кое-какой биологический кабинет, уже работавший оба триместра.

Хуже дело обстоит с кабинетом физическим: кафедра физики сконструировалась у нас лишь к концу 2-го триместра, к этому лишь времени получили мы, наконец, и физический кабинет бывш. „округа“. Сейчас стоит перед нами задача, довольно-таки сложная: приспособить „окружной“ кабинет к условиям работы на факсовосе.

Математический кабинет (один из первых, если не единственный на Украине по своему педагогическому значению) свалился нам „с неба“: этот кабинет собственность нашего зав. кафедрой математики, известного Харьковского педагога-математика, сделанный наполовину его руками, был предоставлен им в бесплатное пользование факсовосу.

Для нашей кафедры трудоведения кое-что дал нам все тот же бывший „окружной“ музей, но все же она не могла функционировать именно потому, что не с чем было начать: не было мастерских, не было иных необходимых учебно-вспомогательных учреждений, а то, что есть,—пригодится лишь в будущем. Однако, и здесь мы выход нашли, связавшись с фабрично-заводскими предприятиями. Но об этом—далее.

Студии наши опять-таки нашли себе помощь со стороны приютившего нас детдома: муз.-вок. студия получала в пользование рояль и зал для зву-

чения игр, студия изобразительных искусств факсофоса воспользовалась всем оборудованием студии детства. Кое-что дал все тот же „неисчерпаемый“ „окружающей“ музей, поскольку мы сумели превратиться—с одной стороны—в Плюшкиных, подбирая в музее все до ниточки и бумажки, а с другой—в „комиссии использования бросового материала“, которая старалась как можно остроумнее утилизировать эти ниточки и бумажки.

Таким образом, „из ничего“ нам удалось кое-как наладить почти все необходимое.

Все это, правда, настолько мало удовлетворяет наши потребности, что только необычайная жажда жизни, которую пренеполнен факультет, да та внутренняя крепость его коллектива, о которой речь впереди, не дали ему поглубнуть на первом же году его жизни от голода, от отсутствия учебно-научного инвентаря, помещений, оборудования и прочих „ресурсов“.

Мы не умерли, а, пожалуй, еще и окрепли в борьбе с тяжелыми лишениями. И теперь мы вправе требовать максимум внимания к себе: в дележе „университетского наследства“, в снабжении со стороны Наркомпроса, в обеспечении нас необходимыми научно-квалифицированными работниками, в финансировании и т. п.

Кстати, о финансировании. В течение 2 триместров мы получили около 15 миллионов рублей (выпуска до 1922 года) на все наши учебные нужды. Из них 10 миллионов—в середине 2-го триместра—весною 1922 г. Комментария, повидимому, излишни.

VII. Руководящие органы.

Профессура, студенчество и оборудование с помещениями—три основные предпосылки работы.

Кто же будет направлять ее?

Согласно „Временному положению, о ВУЗ Украины“, во главе факультета стоит декан, ответственный „перед ректором и политкомиссаром за работу и состояние факультета“; при декане состоит факультетская комиссия—„орган консультативный, содействующий декану в разрешении факультетских дел“; для выработки учебных планов и программ учреждаются „комиссии специалистов“; для контроля над выполнением учебно-трудовой повинности на факультете функционирует, „под общим руководством декана“, контрольно-учебная комиссия; наконец, „не менее одного раза в триместр“ созывается общее собрание преподавателей, служащих и студентов факультета—для заслушивания и обсуждения отчета декана.

Мы прекрасно понимали, что так называемая „автономия“ высшей школы—„на началах соборности и выборности“, с широким применением „собирающего права“ профессуры и студенчества в деле „самоуправления“—все это вещи, недопустимые в процессе решительной ломки старой высшей школы и создания новой. Твердая власть единого лица, уполномоченного Советской властью, была для нас единственно-возможной на переходный период формой управления такой сложной и замысловато-сконструированной машиной, каковой является ВУЗ.

Но мы внесли в эту форму свои специфически-социальные коррективы. Как увидим далее, основой нашей работы мы считали создание прочного коллектива союзников, как будущих организаторов детских коллективов—в процессе строительства системы союза. Значит, уже, так сказать, „академические“ задачи нашего факультета диктовали нам необходимость развития коллективистических вкусов, привычек и методов жизни и работы в среде факсоюза. К этому присоединялось и чисто практически-организационное требование: укрепить наш коллектив для борьбы факультета за существование, втянуть всех преподавателей и студентов в дело строительства своего факультета, приучить их сознавать, чувствовать его своим.

Не уменьшая „твердой и единоличной власти декана“, мы сумели создать такую коллективистическую атмосферу в жизни, а тем самым—и в управлении факсоюза, что никому из активных членов нашей факультетской общины не приходило и в голову или подымать вопрос о нарочитом, формальном „представительном самоуправлении“, или отказываться от своей доли участия в ответственности за весь факультет—не только „пред ректором и политкомиссаром“, но и пред всей рабоче-крестьянской общественностью.

Смело можно сказать, что 50% наших преподавателей и не меньший % студентов совместно и наряду с деканом,—если не „управляли“ факультетом, то фактически направляли его, строили его и чувствовали себя за него ответственными.

„Консультативный орган при декане“, наша факкомиссия, состояла из 7-8 преподавателей, представителя политкомиссара и 3-4 представителей студенчества. В нее обязательно входили представители всех иных факультетских комиссий и организаций: специалистов, кон.-уч. комиссии, студенческих организаций. Нам не нужно было разрешать наши вопросы путем поднятия руки: не для голосования, а для согласования нашей коллективной воли собирались мы еженедельно на заседания факкомиссии.

По форме, это был высший совещательный орган при декане, дающий ему материал для принятия того или иного „единоличного“ решения, по сути и по духу,—это был своеобразный семинар по факсоюзному строительству, где все мы сообща последовали вопросы, искали пути, изучали наши задачи и выводы (весьма часто буквально „единогласные“) делались сами собою.

Вопросы организационные, хозяйственные, учебно-научные, программные, выработка планов работы на основании недельных и месячных отчетов о работе отдельных уголков нашей жизни—таково общее содержание заседаний факкомиссии.

Если факкомиссия была, так сказать, мозгом факсоюза, то его сердцем, разгоняющим и направляющим по всему факультетскому организму свежие потоки чистой артериальной крови,—была „комиссия специалистов“, или, как у нас она называлась,—„педагогическая комиссия“. Как мы видели, официальным заданием комиссии была „выработка учебных планов и программ“—как выполнила комиссия это свое задание,—мы увидим в последующем изло-

жении общих планов, задач и методов факультета, а равно—в изложении работы отдельных кафедр—соответственно своим планам.

Сейчас же необходимо отметить следующее. Наша педкомиссия посмотрела достаточно широко на свое задание и отнеслась к нему с глубокой любовью и с чисто-сопсовым энтузиазмом. Не выработкой отдельных сухих формальных программ занялась она, а прежде всего принялась за изучение работы кафедр, и—по мере этого изучения—устремляла свои силы на установление возможно более тесной связи между ними, на их взаимное „притирание“, на установление единого факсовского фронта.

Ни один вопрос „академической“ жизни факсовоса не проходил на факкомиссию в сыром виде—без предварительного всестороннего изучения и освещения его в педкомиссии. Это была достаточно мощная педагогическая лаборатория, где предварительно выковывались те основные положения, на каких строился наш факультет. А выковывать их приходилось подлинно „ав оyo“: мы не имели „примера, достойного подражания“, за исключением, может быть, Московской Академии соц. вос.; но то, что мы знали о ней, далеко не всегда было для нас приемлемо.

В эту работу втягивали мы и студенчество. Цитированный уже мною автор статьи в „Вестях“—студент пишет: „всему факультетскому коллективу приходится искать того пути, по какому надо идти в будущем; приходится начинать научную разработку тех дисциплин, которые и в Зап. Европе являются еще новыми; в эту работу втянуты как профессора, так и студенты“.

Об активности нашего студенчества и особенно—о его деятельном участии в строительстве факультета—нам придется подробнее говорить при характеристике нашего любимого детища—нашего факсовского коллектива. Пока же лишь отметим, что студента нашего можно было видеть везде—во всех уголках факсовоса: не только в аудиториях и лабораториях, но и на факкомиссии, и на педкомиссии, и в контр.-уч. комиссии, и т. д., и т. п. Вначале робко и неуверенно, а что дальше—то более решительно, сознательно и охотно входил он не только в строительство, но и в руководство факультетской жизнью.

Поэтому, конечно, без малейшего преувеличения мы обязаны назвать в числе „руководящих органов“ факсовоса и студенческую „семерку“, или, так наз., „триместровую комиссию“—своеобразный орган студенческого самоуправления,—чрезвычайно незамысловатый по форме (вроде обычного „старостата“), но настолько живой, настолько органически-связанный со всем факультетским организмом, настолько живо реагирующий на все потребности и явления факультетского „дня“—от установки железной печки—до ведения ответственного общего собрания или участия в сложной работе педкомиссии,—что иногда казалось затруднительным решить: кто же больше „руководит“ факультетом—мы (преподаватели), или они. Не „студентами“ или „слушателями“ были они у нас, а подлинными—*сотрудниками* факультета.

VIII. Задачи, планы и методы.

В „Приложении к Бюллетеню НКПроса УССР“ от 15 сент. 1921 г. № 10 напечатан „Учебный план факсоцвосоа Ино“, выработанный Главпрофобрм. Некоторые из наших преподавателей принимали (еще, значит, до своей работы на факультете) самое деятельное участие в выработке этого плана. Они же первые принялись за его воплощение.

Мы не будем останавливаться подробно на этом плане. Отсылаем желающих к оригиналу и к нашей статье о нем *).

Основная задача, поставленная этим планом пред факсоцвосоом,—создание нового педагога, „педагога—соцвосника“, проникнутого идеею коммунистического социального воспитания детей, воспитания природосообразного и по духу близкого природе нового коммунистического общества.

С точки зрения системы социального воспитания Украинкомпроса, — педагог-соцвосник есть прежде всего педагог-коллективист, организатор детской жизни в коллективе, ставящий перед собой задачу вести эту организацию так, чтобы она, будучи глубоко-педоцентричной, всесторонне охватывала весь единый психо-физический организм ребенка, благоприятствуя его естественному росту и развитию.

План факсоцвосоа—во исполнение этой задачи—предвдлагает три момента в подготовке соцвосника:

1) необходимость для него быть широко образованным человеком, способным на основании научно-обоснованного мирозерпцания подойти—с одной стороны—к тем требованиям, какие предвдлагает ему современная научная педагогика, и с другой—к тем миропознательным требованиям, какие предвдлит ему ребенок;

2) наш будущий соцвосник должен быть, наконец, „педагогом с педагогикой“: он должен знать научно душу и тело ребенка, условия его роста и развития, влияние среды на ребенка, научно-обоснованные методы подхода к дитяти, словом—весь тот цикл знания, который условно можно объединить в названии „педагогика“... не схоластическая квази-педагогика—„рецептура воспитания“, а то, что высоко поднято девятым валом современного педологического движения;

3) третий и главнейший момент—воспитание будущего воспитателя; он обнимает и проникает собою и оба предыдущие;—воспитание того „педагогического искусства“, которое так тонко и глубоко связано с педагогическим призванием;—культивирование тех педагогических наклонностей и пристрастий, которые толкают человека именно на факсоцвос и без которых истинным соцвосником он никогда не будет.

Наша профессура и студенчество, наша „педагогическая“ и „факультетская“ комиссии с неподдельным энтузиазмом бросились на исследование—изучение этой задачи. Вопрос ведь стоял, ни больше и ни меньше, как о созда-

*) „Социально Виховання“. Орган Главсоцвосоа УССР. № 1. Харьков, 1923. Стр. 71—80.

нии какой-то уже системы высшего истинно-педагогического „образования“. Задача была поставлена. Надо было определить все данные и все искомые, „семь раз отмерять“ и найти „центр тяжести“. Роль „первого портного“ чрезвычайно сложна...

Но—интересна: способна захватить. Одно из первых, что мы увидели совершенно ясно, это то, что „на страх врагам“ и к вышей угрюмости нашего покойного дедушки—наша „высшая школа“—увы!—ни в коем случае не может носить „академического“ характера, ибо она будет глубочайшим образом связана с жизнью: „дух жизни“—вместо мертвого „духа академизма“—таков наш неизбежный удел.

Втянуть слушателя в „производство“, переделать его из „слушателя“—в практиканты, или, как у нас говорят,—в сотрудника, активно исследующего прихотливые извилины живой жизни ребенка и воздействующей на него среды,—так—и только так,—могли мы понять нашу задачу.

Не „учения“, а „его величество“ ребенок рисовался всегда воображению нашего „сотрудника“, ребенок со всеми его потребностями и особенностями, и не „предмет“, а все влияющие на психо-физический рост и развитие ребенка факторы.

Отсюда—тот горячий педоцентризм нашего факультета, то установление в центре всей работы, *научной* работы—ребенка, от которого и к которому ринулись мы направлять все без исключения наши факсоцвзные дисциплины.

Вот список этих дисциплин, или—вернее—кафедр:

- 1) Социальное воспитание, его история, теория и практика,
- 2) Обществоведение (с политграмотой и марксоедением),
- 3) Искусствоведение: студии музыкально-вокальная, изобразительных искусств и театрального искусства,
- 4) Трудоведение: труд индустриально-технический и сельскохозяйственный,
- 5) Введение в педологию,
- 6) Экспериментальная психология,
- 7) Педпатрия и педогигиена,
- 8) Биология с анатомией и физиологией ребенка,
- 9) Физика,
- 10) Математика,
- 11) Языковедение,
- 12) История литературы,
- 13) История культуры.

„Педоцентризовать“ все эти кафедры, особенно—такие „установившиеся“, как биология или языковедение, вырвать их из объятий „академизма“—и сделать это в тех условиях, которые изложены выше—в главах о „профессуре“ и о „ресурсах“,—задача поистине страшная. Но сейчас мы можем с глубоким удовлетворением констатировать, что именно эти две кафедры в этом отношении совершили солидное продвижение вперед. Такова уж, видно, наша факсоцвзная атмосфера, что и вышло это почти как-то „само собою“—без осо-

бых усилий: строго говоря, сознательного воздействия мы оказали на эти кафедры меньше, чем на другие.

Подкомиссия—в первую очередь—занялась первыми пятью кафедрами, объединив их в одну группу, так наз.,—„педагогических“ кафедр. Почему обществоведение или трудоведение попали в группу именно педагогических кафедр,—это будет яснее дальше при обзоре их работы. Важно одно: эти кафедры, действительно, объединились и довольно скоро нашли совершенно общий язык, общие задачи и методы, работая вместе—по единому „расписанию“ и плану. Они-то и составили то первое мощное формирование на факультете, тот снежный ком, который, перекатываясь все дальше и дальше, обрастает все больше и больше, забирая в себя все на своем пути. А в центре их стоял наш семинар по социальному воспитанию (кафедра „Соц. вос.“)

Семинар оформил и унифицировал и нашу факультетскую „методику“, *семинарский метод*—теперешний наш боевой лозунг, за который мы готовы отдать многое, семинарский метод, охватывающий все стороны факультетской жизни,¹ вплоть до того, что и наши общие собрания часто напоминают заседание семинара,—наиболее решительно, а главное—жизненно-обоснованно был выдвинут нашим семинаром по соц. вос.

„Цель факсопвосо—прежде всего *воспитательная*—воспитание сопвосника“,—вот что мы слышали однажды от сотрудников семинара на заседании факкомиссии. Работа на факультете должна быть творчески-активной, отсюда—необходимость решительного преобладания, если не исключительности, семинарского метода над лекционным—на всех кафедрах... Таково было категорическое требование „сотрудников“ семинара по соц. вос. Каких сотрудников: профессоров или студентов?—Попробуйте разобраться, когда у них—„коллектив“: все за одного и один за всех. И „единоличной“ волей декана вопрос о необходимости семинарского метода разрешается в положительном смысле.

Нет, шутки—в сторону, но это была какая-то семинарская эпидемия. Микроб „семинаризации“ нашел себе на факсопвосо чрезвычайно благоприятную среду для развития. Толки, горячие споры, настойчивые искания сосредоточились одно время вокруг этого вопроса целиком: не было уголка на факсопвосо, где не было бы слышно об этом. И это были не „разговорчики“, это был ряд горячих „исканий“ и, наконец,—ряд „открытий и изобретений“.

Выйдя из главпрофбровского общего плана, наш факультет—в процессе 8-месячной своей работы—значительно развил его, усовершенствовал, частично. м. б., и отступил от него, но свято сохраняя его основной дух, к настоящему времени закончил полностью всестороннее его формирование: скелет оброс мускулами, оделся кожей, и живая кровь уже течет в жилах нового организма.

Несомненно, мы не дошли далеко до своей кульминации, но мы уже имеем свою определенную факсопвосную физиономию, свой разнообразный характер. Именно—*характер*. Ибо наши планы и методы выработаны и закреплены не только в заседаниях фак- и пед-комиссий, но прошли через горнило сердечных надежд и сомнений всего нашего коллектива, проверены в нашей еже-

дневной работе, выдерживая испытание и на свою „заукообразность“ и на свою жизнепригодность.

На одном из условий—этапов образования нашего „характера“ необходимо остановиться особо. Это—то взаимное „притирание“ наших кафедр и вообще всех уголков факсоцвосоной жизни, о котором мы уже упоминали. Выравнивание всей факультетской жизни по единой линии соцвосоного фронта, установление единства задач, планов и методов всех кафедр, словом,—полное интегрирование факультета, установление на *факсоцвосе* той единой стройности, которая характеризует систему *соцвоса* Укрнаркомпроса,—такою была одна из главнейших предпосылок нашей жизни. Осуществив ее (а это в известной мере уже достигнуто), мы могли развиваться по намеченному плану.

Итак, задача факультета—прежде всего воспитательная: *воспитание* соцвосника, план работы единый—глубоко педоцентрический, метод работы единый—активно-творческий (семинарский).

Переходим к рассмотрению отдельных моментов достижения нашей задачи, осуществления нашего плана и применения нашего метода.

IX. Семинар по соцвосу.

Кафедра социального воспитания—царица нашего факультета—работала истекшие 8 месяцев одной, но главнейшей, своей стороной: был проведен первоначальный семинар по элементарным вопросам соцвосоного строительства в связи с попутным разрешением ряда приходящих вопросов соцвосоно-организационных, теоретически-научных, в особенности—вопросов познания природы ребенка и воспитательной среды, наконец,—вопросов, касающихся внутренней организации самого семинара, факультетского коллектива и всего факсоцвоса в целом.

Впрочем, это „наконец“—по времени было как раз—началом: первая задача семинара было чисто-организационная—создание коллектива и приучение к формам коллективной работы. Необходимо было создать спайку между отдельными слушателями, собрать воедино их мысль и волю и положить, таким образом, начало коллективу. Работа началась с рассмотрения вопроса о задачах факультета и о плане его работы. Установив здесь известное единое направление, перешли к вопросам о содержании и построении работы.

В виду пестроты состава семинара, пришлось предварительно заняться самопознанием: выяснением сил и склонностей каждого участника—путем анкеты, которая была проведена—от начала до конца—самими студентами, путем изучения протоколов семинарских заседаний, которые велись (весьма тщательно и подробно) опять-таки самими студентами, наконец,—путем просто эмпирического внимательного наблюдения над студентами—во время их выступлений, свободных бесед между собою и т. п. Все это дало руководителям, да и студентам весьма ценный материал, характеризующий состав слушателей, их требования, подготовку, привычки, пристрастия и т. п.

Следующая задача, вставшая пред семинаром,—связь всей работы с жизнью ребенка и непосредственное знакомство с ним. Как мы уже упомина-

нали, значительная часть наших студентов или имела известный стаж по работе с детьми, или сейчас работает в учреждениях, или и то, и другое вместе. Это было нашим спасением. Без этого мы не создали бы факультета. Никакие „посещения“ детучреждений ни при каких условиях не могут дать необходимого для студента факсовоса запаса живых наблюдений над ребенком, — его даст *только систематическая работа с детьми*. Это наше неоспоримое убеждение, выстраданное нами в огне нашего опыта. Студент факсовоса обязан быть одновременно и подработником. И на факультет он должен поступать с имеющимся уже запасом педопыта, пополняемого и в дальнейшем ежедневно — параллельно с работой на факсовосе. В этом убеждает нас сравнительная легкость работы со студентами, имеющими этот живой опыт, их значительная и быстрая успешность, и наоборот — чрезвычайные затруднения в работе на факсовосе с людьми без педопыта и их постоянная тенденция плестись далеко в хвосте первой группы.

Вот одна из картинок, рисующая, как организовал наш семинар изучение студентами ребенка. В связи с приближением дня празднования годовщины октябрьской революции был выдвинут вопрос об участии семинара в проведении праздника в детучреждениях. В виду недостаточной политической и педагогической подготовленности части студенчества, пришлось предварительно всесторонне обсудить вопрос о значении октябрьского переворота и о педагогической стороне наступающего праздника. После этого студенты были брошены к детям: в течение, примерно, недели они работали в детучреждениях, готовясь вместе с подперсоналом и детьми к великому рабоче-крестьянскому празднику и в то же время жадно наблюдая за ребенком — в его непосредственных проявлениях. Праздник прошел, и студенты вернулись на факсовос, принеся с собой свежие сочные впечатления. Ряд заседаний семинара был посвящен докладам студентов об этих впечатлениях с последующим обсуждением их, во время которого попутно намечены были многие вопросы, подлежащие специальной разработке в особых исследованиях-докладах. Так, напр., особенно заинтересовал всех вопрос о детском творчестве, которому и было посвящено три студенческих доклада.

Во время семинарских докладов ясно чувствовалась необходимость самой глубокой связи семинара со всеми остальными кафедрами факсовоса, так как в живой работе семинара то и дело возникали вопросы, для разрешения которых необходимо было участие то педолога и психолога, то математика или биолога, то представителя кафедры языковедения, обществоведения, искусствovedения, трудоведения.

Общее направление, по которому шли как доклады, так и практически-непосредственное изучение детских обществ (детских домов, школ, садов и т. д.), определялось необходимостью ввести студента в самую практическую глубину системы соввоса Укрнаркомпроса.

Уже на первых же порах жизни семинара с очевидностью выяснилось, что вести совершенно одинаковую работу — со всем до чрезвычайности разнородным составом слушателей — не представляется возможным. По мере же роста

семинара в объеме (участников его все прибавлялось и прибавлялось) и в содержании (все большее и большее усложнение его работы),—к концу первого триместра пришлось уже начать разделение его на группы.

Сейчас мы имеем четыре таких группы, в рамки которых укладывается весь наш студенческий состав.

В основу деления были положены два признака: *практический стаж студента*, его длительность и качественная *ценность* и наряду с этим—предварительная *теоретическая* подготовка студента. Учебный план каждой группы приспособлен к ее уровню, к ее особенностям.

I-я группа—27 студентов; из них 10 школьных работников, 8 лиц с различным, но весьма небольшим педагогическим стажем и 9 лиц без всякого стажа; предметом своих занятий эта группа избрала школу-клуб и детский дом.

II-я группа—32 студента, сотрудники различных типов детских учреждений—со стажем, в среднем, не менее 2 лет; эта группа наметила себе изучение школы-клуба, детского сада, дневного и постоянного детского дома—с обстоятельным обсуждением вопросов личной работы с детьми каждого студента.

III-ья группа—26 студентов, в огромном большинстве своем знакомых со всеми типами детучреждений и с предварительной теоретической подготовкой (разного рода ВУЗ'ы, фребелевские курсы, педагогические институты, долгосрочные и краткосрочные курсы по соцвосу); группа поставила своей задачей углубленное изучение основных моментов организации детской жизни, а в частности—вопросы о свободном воспитании, о детском творчестве, об игре свободной, подвижной, организационной, принесенной с улицы, о сказке—волшебной, реальной, народной.

В середине 2-го триместра к этим группам присоединился новый набор студентов, так называемая *первая группа „А“*—27 студентов, самого разнообразного состава; группа начала свою работу с установления ее плана, метода и содержания, с тем, чтобы затем перейти к изучению детского коллектива.

Иногда—по мере надобности—у нас происходило объединение всех студентов факсовоса для семинарских занятий, и после того, как мы уже окончательно перешли к групповому ведению семинара. Ряд таких объединенных заседаний семинара был посвящен вопросу о весенних детских песнях, ряд—занятиям с проф. Владимирским (не состоящим сотрудником факсовоса)—по вопросу о связи школы с жизнью; несколько общих собраний семинара совместно с кафедрой педологии было посвящено занятиям с проф. Владимирским по внешнему исследованию ребенка, несколько—совместно с кафедрой политграмоты (обществоведения)—вопросу о пасхальных каникулах в детучреждениях и т. д.

Но центр тяжести семинарской работы лежит в деятельности именно групп, так как только с небольшими (сравнительно) группами удобно вести занятия творчески-активным методом.

Все наши группы ведут обстоятельные дневники своей работы, устанавливая, таким образом, те основы учета своих достижений, без которых дальнейшее правильное развитие семинара было бы немислывым.

Поставив своей первоначальной целью своеобразную „интеграцию“ факсовоса в целом, семинар одновременно с этим проделал и другую огромную работу — провел рациональную дифференциацию студенчества, а вместе с тем и факультетской работы. В своих группах он вплотную подошел к студенту, вызывая максимум студенческой активности, на деле претворяя „слушателя“ в „заинтересованного сотрудника“. Семинар имел большое влияние, именно — воспитательное влияние на студенчество, оказав огромную услугу всем остальным кафедрам; приученные к активности на семинаре, студенты на каждом шагу факультетской работы хотели быть активными.

Интересно также отметить, что групповое деление семинара было целиком принято всеми, так называемыми, „педагогическими“ кафедрами.

— Каковы же достижения семинара? — Прежде всего — в части организационной: организация коллектива и выявление студенческой самостоятельности, а также — начало объединения студентов с преподавателями и объединения — „притирания“ кафедр между собой. И рядом с этим — по содержанию: соби- рание огромного и при том живого и свежего педагогического материала, обработанного или подлежащего обработке — в дальнейшем.

Х. Кафедры.

Мы уже говорили, что наша подкомиссия в первую очередь занялась „педагогическими“ кафедрами: социального воспитания, обществоведения, искусствоведения, трудоведения и педологии, поскольку они в нашем сознании рисовались, как кафедры, педоцентрировать которые необходимо в первую очередь и особенно строго.

К ним несомненно следовало бы прибавить и психологию, и педиатрию с педогигиеной. Но ни оборудования, ни достаточного количества персонала для них у нас не было, и открыть их сразу мы не могли уже поэтому. К тому же мы решали, что без предварительной проверки наших студентов в котле биологии и анатомии с физиологией не следует подпускать их ни к психологии, ни к педиатрии.

О кафедре соц. вос. мы уже говорили: что же касается остальных функционировавших доселе педкафедр, то работа их рисуется в нижеследующем виде.

Социальная среда — атмосфера, в которой протекает и которой определяется процесс воспитания ребенка, изучается у нас на кафедре обществоведения, которая в этом месте тесно связывается и с педологией и с семинаром по соц. вос. Структура нового общества, как главнейшего фактора воспитания, и — наоборот — создание детского коллектива, как одного из факторов организации нового общества, — таковы главнейшие темы работы этой кафедры. Наряду с этим, обществоведение — с входящими в него курсами политграмоты и марксоеведения — рассматривается, как одна из основ того общего мирозер- кания, какое должен установить себе каждый будущий педагог-коллективист.

Начиная от вопросов борьбы с религиозными предрассудками среди детей и кончая проблемами исторического материализма — все на этой кафедре

проникнуто единым стремлением: силой активно-творческого (семинарского) метода *воспитать* соавтора, умеющего свободно и правильно ориентироваться в новой социальной обстановке, в новых социально-педагогических задачах.

Основным заданием кафедры искусствоведения является стремление дать студентам необходимые навыки в области главнейших искусств: изобразительных, музыкально-вокального и театрального,—познакомить их с содержанием и формами искусства и помочь им овладеть техникой художественного творчества, разумеется, прежде всего—в той мере, в какой это необходимо для соавтора, а главное—воспитать в студенте умение педагогически пользоваться ресурсами искусства в организации детской жизни. Метод работы и на этой кафедре чисто-активный: изучение ребенка в его творчестве—в жизни детучреждений, студийные занятия искусством, наконец, семинарская работа по изучению явлений искусства и их педагогического применения.

В течение наших двух триместров работа по искусствоведению шла преимущественно в студиях. Охарактеризуем в 2-3 словах работу изостудии и муз.-вок. студии.

В первом случае это было: рисунки студентов—карандашем и акварелью, разбор этих рисунков с точки зрения замысла и исполнения—с попутными указаниями технического характера, проведение параллели между рисунками студентов и детей с разбором, собираньем и изучением детских рисунков, теоретическая разработка вопросов психологии рисунка. Работу приходилось чрезвычайно индивидуализировать—в виду большой пестроты в подготовке, старности и запросах студентов.

Студия муз.-вокальная проработала ряд народных песен, несколько стильных композиций, серию детских музыкальных игр, освещая все это рядом соответствующих теоретических сведений и подходу в своей работе к изучению ребенка в его музыкальных проявлениях. Постановкой своих „конфертов“ и привлечением студентов на концерты внестудийные студия стремилась к поднятию музыкально-художественного уровня своих сотрудников.

Переходим к трудоведению. Наблюдение и изучение живого детского труда—с одной стороны, личная работа студентов в мастерских, на фабриках, заводах и опытных сел.-хоз. учреждениях—с целью практического ознакомления с основными формами индустриально-технического и сельско-хозяйственного труда—с другой стороны, наконец—подготовка к педагогическому использованию труда в процессе организации детской жизни—такова триединая линия деятельности этой кафедры. Как уже указывалось, мы долго не могли пустить в ход эту кафедру из-за отсутствия ресурсов. Сейчас мы связались с несколькими фабрично-заводскими предприятиями, предоставившими нам в пользование свои мастерские, и кафедра начала работать „во всю“.

Согласно нашему плану, и трудоведение, и искусствоведение должны быть поставлены так, чтобы они являлись не пресловутыми „трудовыми процессами“ и „искусствами“, достаточно, обычно, оторванными от ребенка и задач воспитания,—но были бы действительно педагогическими кафедрами,

исходящими в построение своей деятельности от ребенка и ведущими к нему же.

Предложенный нам Главпрофобром план фаиссоцвоса в связи с трудомведением ставит и, так наз., „физическое развитие“ ребенка. Мы внимательно исследовали этот вопрос, ставя такую дилемму: или физическая „культура“ ребенка „всеобучевского“ типа, вводящая в качестве „коррективов“ к неправильно поставленному „физическому воспитанию“ гимнастику, спорт и всякого рода нарочитые телесные упражнения,—или нормально-естественное физическое развитие ребенка, основанное на правильной постановке всего *единого* психо-физического процесса воспитания, сообразного с природой ребенка. Наша педкомиссия приняла, а факкомиссия утвердила вторую из этих альтернатив, и изучение физического развития ребенка отнесено к совокупным усилиям кафедр: анатомии и физиологии, педиатрии и педогигиены, педологии, трудомведения и социального воспитания.

Для исчерпания обзора работы педкафедры остановимся кратко на введении в педологию. Изучение ребенка шло у нас в самой тесной связи с работой семинара по соц. вос. и исходило главным образом от того фактического материала, какой был в распоряжении студентов. Задачей кафедры было—не столько дать студенту готовый научный багаж, сколько воспитать в нем правильный подход к ребенку, воспитать то „пристрастие к фактам“, о котором так горячо говорит новая строго-эмпирическая наука—педология. Изучение ребенка, как психо-биологической особи, и—на ряду с этим,—как продукта социальной среды,—вот рабочий план нашего введения в педологию.

В осуществление этого плана, по выяснении основных понятий и содержания науки—педологии, а равно—главнейших методов педологического исследования, методов подхода к ребенку,—кафедра поставила, как ударную задачу, ведение студентами специальных записей своих наблюдений над детьми с последующим чтением и обсуждением этих записей. Таким образом, собирался богатый фактический материал, который и подвергался научному освещению и систематизации по следующему плану: основные специфические особенности детского организма, внутренние и внешние факторы его развития, среда и ее влияние на ребенка. Мы уже упоминали о том, что—в связи с возникшими на семинаре соц. вос. вопросами—кафедре педологии приходилось внепланово останавливаться над отдельными вопросами педагогической практики: игра, творчество и т. п.

Переходя к так наз., основным кафедрам (не-педагогическим), мы остановимся кратко лишь на 2—наиболее активных и наиболее восприимчивых дух фаиссоцвоса: биологии и языковедения.

Что касается первой, то она представляет собою целую энциклопедию биологических знаний: тут и ботаника, и зоология, и анатомия, и физиология человека и ребенка. С нашей точки зрения, все это имеет тройное значение: с одной стороны—это—одна из главнейших основ строго-научного мирозерпцания, без которого мы не мыслим себе нашего сопвоисния, с другой

стороны—это тот фундамент, без которого невозможно построение ни педологии, ни педиатрии, ни педагогики, ни психологии, ни самого „социального воспитания“, наконец,—все это должен знать наш соплемяк—во всяком случае, постольку, поскольку ему придется в процессе организации детской жизни быть весьма ответственным руководителем при чтении ребенком „великой книги природы“, без чего в процессе воспитания и шагу не ступишь. Таковы весьма сложные и ответственнейшие задачи этой кафедры. Но легко видеть, что задачи эти на две трети—специфически-соплеменные. Забыть о ребенке эта кафедра никак не могла, и, как мы уже говорили, она одна из первых „педагогических“ кафедр прониклась соплеменным настроением на столько, что ей остается, м. б., один шаг до того, чтобы стать целиком в ряду „педагогических“. Семинар и просеминар по биологии захватывают наших студентов настолько, что сотрудники кафедры едва успевают, при наших скудных средствах, всех жаждущих насытить.

Приблизительно то же приходится сказать и о языковедении. Объяснительная записка к плану факсопоса, выработанному Главпрофобром, ставит перед этой кафедрой в качестве первоначального и основного задания в условиях работы на Украине практическое изучение украинского языка, как могущего орудия коммунистического просвещения трудящихся масс Украины и как родного языка для 80% детей УССР; научиться правильно говорить, читать и писать по-украински—обязательный минимум для всех студентов; наряду с этим—научное освещение проблемы языка вообще и украинского—в частности*). Одновременно в задачу этой кафедры входит и изучение одного из новых языков—у нас—немецкого.

Вот что пишет один из наших студентов об этой кафедре: „семинар (курсив наш) по украинскому языку разбился на 3 группы—в зависимости от предыдущей подготовки студентов: старшая группа перешла уже целиком на рефераты: прочитаны были и обсуждены рефераты на темы—„родной язык с точки зрения природосообразности воспитания“, „значение диалектологических особенностей детской речи“, „язык детской книжки“ и т. п.; одновременно читается систематический курс украинского языка, в связи с языковедением. Со 2-го триместра начал функционировать семинар (курсив наш) по немецкому языку**). И сюда проник ребенок („детская речь“, „детская книжка“), и здесь—семинар.

Мы охарактеризовали работу наиболее активных и наиболее близких нам по духу кафедр. Остальные были в той или иной степени менее активными. И—сказать ли откровенно?—мы не особенно горюем от этого. „Мы“—в данном случае официальные руководители факультета. Студенты не согласны с нами, и это чуть ли не единственное наше несогласие. Студенты хотели бы, чтобы все кафедры были одинаково активными, а мы убеждены, что это могло бы лишь повредить нашим младшим „сотрудникам“: многопредметность

*) См. упомянутое выше „Примечание к Бюллетеню НКПроса“, стр. 4.

**) Статья о нашем факультете в „Вістях“ ВУЦИК'а от 31 мая 1922 г. № 129.

и излишняя перегрузка работой тогда резко чувствовалась бы на факультете и это отняло бы слишком много лишних сил у студенчества, занятого—к тому же—тяжелой ежедневной борьбой за существование.

Итак, семь взаимно-переплетающихся и дополняющих друг друга элементов нашей факсоцвсовой работы, семь столбов факсоцвсовой мудрости поставлены твердо в течение восьмимесячной нашей жизни. Семь путей подхода к ребенку: язык ребенка, окружающая природа, общественная среда, искусство, труд, природа самого ребенка и объединяющее все это—социальное воспитание.

За восемь месяцев мы сделали больше, чем думали сделать. При благоприятных условиях, несомненно, сделали бы гораздо больше.

А что сделали не мало,—показал объективный учет нашей работы. К нему мы и переходим.

XI. Учет работы.

„Временное положение о ВУЗ. Украины“ довольно подробно выясняет понятие *контроля* над занятиями в ВУЗ, устанавливая три его формы: 1) контроль текущий (количественный)—проверка посещаемости, 2) периодический (качественный)—зачеты с установлением обязательного минимума и 3) спорадический (индивидуальный)—по желанию. Органом контроля является—по мысли „Положения“—контрольно-учебная комиссия, состоящая из одного представителя факкомиссии, одного—от студенчества и одного—от политкомиссара.

Наша КУ комиссия—в течение 1-го триместра функционировала довольно вяло, а в начале 2-го—почти совсем замерла. Дела были в полном упадке. Почти невозможно было точно установить наличный состав слушателей, так как никакого систематического контроля и учета не было.

Со 2-й же половины истекшего триместра положение резко меняется, учет нам решительно необходим, и мы обращаем самое серьезное внимание на уч.-кон. ком. Меняется ее состав, стимулируется ее работа, и за 2 месяца чрезвычайно напряженной деятельности она не только выполняла требования дня, но и загладила все грехи прошлого и заложила прочный фундамент для будущего.

Ведя напряженную работу силами, прежде всего, своих 2—3 членов, она использовала также в известной мере—и энергию нашего коллектива для выполнения учетно-контрольных заданий: учетно-регистрационные записи секретарей семинарских занятий и руководителей семинаров, личная помощь отдельных товарищей—все это не только принесло существенную пользу самому учетно-контрольному делу, но и служило прекрасным... опять таки, „семинаром“ по изучению методов и приемов учетно-контрольной работы, на первый поверхностный взгляд, как будто и неважной, но по существу составляющей одну из основ правильной организации всякого серьезного дела.

За последние полтора—два месяца уч.-кон. ком. установила списки действительных наших студентов, выяснила и изгнала „мертвые души“, создала

полную картину посещаемости студентов и преподавателей, наладив постоянный текущий контроль над ней, выяснила положение каждого студента в отношении его успешности в работе и его прав на принадлежность к старшему или младшему триместру и т. п.

Каковы же выводы из наблюдений комиссии? По ее заключению—средняя посещаемость студентов в течение 2-х триместров доходит до 73%; приблизительно таков же и % посещаемости преподавателей. %, несомненно, достаточно высокий в современных тяжелых условиях. Далее, за вычетом „мертвых душ“, наша комиссия учла 112 студентов, активно работающих на факсовосе. Из них—по самым последним сведениям—59 человек выполнили уже теперь все обязательные требования факультета полностью, причем здесь необходимо выделить группу человек в 25, выполнивших эти требования свыше чем на 100%. Что же касается остальных 53 студентов, то часть их выполнила указанные требования на 80—90% и в ближайшее время, очевидно, присоединится к первым 59 товарищам; другая часть, повидимому, сделает это несколько позже и, наконец, как можно быть уверенным, лишь небольшая группа, человек не более 20, находится под угрозой отстать от своих товарищей более значительно.

Но по существу, надо отметить, наша уч.-кон. ком. непосредственно вела лишь количественный контроль—учет посещаемости; что же касается контроля качественного—зачетов, то, разумеется, велись они непосредственно кафедрами под общим руководством факкомиссии, а уч.-кон. комиссии приходилось лишь подытоживать отдельные слагаемые этого качественного учета и делать из этого подытоживания соответствующий вывод—общую оценку работы студента.

Когда на нашем „невиданном доселе“ факультете впервые встал вопрос о зачетах (а именно, на заседании факкомиссии, в конце первого триместра), когда впервые раздалось в нашей среде слово „зачет“, нам всем как-то неловко стало. „Зачет“... Ведь, обычно, это просто задрапированный в красивое словцо добрый старый наш знакомый—экзамен. Когда начинаешь говорить с работником просвещения о том, что экзамен (он же—зачет, он же—коллоквиум) в сущности ничего не выясняет и никому никакой пользы не приносит,—ваш собеседник сначала недоумевающе и недоверчиво посмотрит на вас, а затем, желая щегольнуть либерализмом, начнет поспешно соглашаться с вами... и вы почувствуете вдруг тоску неизреченную. Вы ясно чувствуете, что собеседник ваш согласился с вами прежде всего все-таки потому, что ему возражать на ваше замечание нечего, но вместе с тем он твердо убежден, что, сколько бы вы ни бранили экзамены, а они таки будут, хоть инкогнито (под именем зачета) а таки будут, ибо, действительно,—самая простая, легкая и короткая форма определения „уровня“ учащегося—это „проэкзаменовать“ его. Пусть эта „форма“ ровно ничего не выясняет (с этим согласны все, кто экзаменовал или экзаменовался), но от нее легко „отделаться“: она прилична и принята в „обществе“.

Мы, конечно, так отнестись к делу не могли—чувство недовольства сменялось чувством гневного протеста. Как? Зачеты? Зубрящие к зачетам сту-

денты? Хороши мы были бы, когда бы заставили наших „сотрудников“ подзубривать... Да и что „готовить“ к зачету? какой учебник или „конспект“, или шпаргалку мог бы взять наш студент для зачета по *семинару*, по студии искусств и т. п.? А у нас почти вся жизнь складывается именно из семинаров да студий...

Нужны зачеты? Хорошо! Мы покажем, какие бывают зачеты на факсоп-восе. Мы слов не боимся. Выносятся постановления: „объявляется нижеследующий минимум для перехода на 2-й триместр—*зачеты* по семинару соц. вос., по педагогическому семинару, по практике украинского языка и по практике биологии с анатомией и физикой. Но наши зачеты являются просто *учетом проделанной фактически в течение триместра работы*“. Выход был найден. Найдено и слово. Но слово не драпировочное, а полное глубокого содержания и содержания совершенно своеобразного. Так, не *зачет*, а *учет*!

В течение триместра лектор почитывает, а слушатели, „имеющие уши слышать—да слышат“; а кончается триместр—роли меняются: студент, подзубривши „конспект“,—по шпаргалке читает лекцию (билет № такой-то), а лектор... слушает и оценивает „уровень“, и это тоже иногда называется учетом.

Наш учет—не таков. Мы ролей абсолютно не меняем. Наш учет производится на очередном заседании семинара или на очередном студийном „сеансе“, которые по сути ничем не отличаются от предыдущих: студенты также активно работают—на ряду и под почти незаметным для них, но уверенным руководством руководителя,—как работали и в течение триместра. Особенностью „учетного“ заседания является то, что в качестве основной темы работы выступает вопрос: что нового приобрела в течение триместра данная группа студентов—с одной стороны (коллективный учет) и—каждый студент—с другой (учет индивидуальный). Мы сравниваем себя, какими мы были в начале данного триместра,—с самими собой—в его конце. И коллективно делаем наши выводы. Наш коллектив—это и есть верховный судия, оценивающий общую успешность работы каждой нашей кафедры или группы и каждого из нас—в отдельности. И об этом судье можно сказать одно: „строг, но справедлив“. И, разумеется, для него все равны: он „учитывает“ столько же профессиору, сколько и студентство. Кафедры организуют этот учет, вдохновляют и направляют его, а коллектив—решает и определяет.

Первый опыт такого учета—в конце 1-го триместра—проходил еще довольно неуверенно. Второй опыт—в конце 2-го трим.—уже далеко тверже и стройнее, а местами захватывал наш коллектив до глубины.

Для 2-го триместра—уже безбоязненно—мы объявили минимум, состоящий из семинара по соцвосу, обществоведению, искусствоведения, введения в педологию, практики укр. яз. и биологии с анатомией и физиологией.

Необходимо отметить, что „учетная“ работа в общем давала у нас результаты, далеко выходявшие за пределы самого учета. Мы уже говорили, что учет производился в процессе *обычной* факультетской работы. Запят, мы уже этим экономили то время и те силы, которые обычно уходят на экзаме-

национную или зачетную „сессию“. А самое главное это—то, что наша учетная работа, так сказать, невольно подвигала те отдельные достижения, которых нам удавалось добиться в течение триместра,—систематизировала их, уявляла, проливая иногда неожиданно-яркий свет на те груды фактов, что соображались в процессе наших „трудов и дней“.

Так, по отзыву студентов, „учет“ работы по семивару сопвосо по искусствоведению, а особенно—по введению в педологию—в конце 2-го триместра—дал им так много нового в смысле уяснения ряда новых для них вопросов, так был захватывающе-интересен, что мы уже можем гордиться началом нашей победы и на „экзаменационно-зачетно-коллеквиальном“ фронте. Если сравнить лица студентов, с отвращением и дрожью стоявших у двери, за которой производится „настоящий“ зачет, зачет-экзамен, с лицами наших „сотрудников“, спешащих попасть непременно к началу *нашего* „зачета“, так как это—один из *интереснейших* и живейших моментов нашей факультетской жизни,—если сравнить измученное „подлым“ нервным напряжением и по сути низкопробной радостью „выдержавшего“ или же более высокой печалью „провалившегося“—лицо студента, выходящего *после* зачета-экзамена,—с преисполненным глубокого удовлетворения и высшей духовной радости, мы связали бы—*вдохновенным* лицом нашего факсопсовника, выходящего после нашей „учетной“ работы,—то никакого сомнения не останется, что действительно „близок—близок час победы“ нашей и здесь.

О зачето-учете нашем мы могли бы составить интереснейшую книжку из наших протоколов учетных заседаний: здесь видны отдельные этапы духовного вообще и в частности—сопвосного роста наших студентов—в коллективе и индивидуально, здесь видны и те изломы-извилины нашего факсопсовного развития, которое—видим мы—все более и более выпрямляется и интенсифицируется.

Мы рассмотрели то, что называется во „Врем. положении о ВУЗ“ „текущим“ и „периодическим“ контролем,—в тех формах, какие он принял у нас.

Остается сказать несколько слов о третьем виде контроля, предусмотренном „Положением“,—о контроле обязательном—„спорадическом“. Но и здесь придется говорить больше об учете, чем о контроле. А самое главное, придется констатировать, что он у нас также был скорее „текущим“, ибо, конечно же, с учетно-контрольной точки зрения—к нему целиком могут быть отнесены те по *добровольному* почину самих студентов возникающие—*почти ежедневные* случаи проверки студенческой работы во время студенческих докладов, рефератов, выступлений—устных и письменных, в частности—в студенческом журнале (о нем см. ниже) и т. п. Сюда же относятся и те факсопсовские концерты, изо-выставки, спектакли, кружки и т. д., и т. п., которые часто захватывают и нашу профессию, и наше студенчество.

В заключение—два слова всем любителям *настоящих* зачетов, коллеквиумов и экзаменов. Смеем вас уверить, что наш учет—отнюдь не „шутка“ и не „игрушка“, как думаете вы. Вы, конечно, никогда этого не поймете. Но вот вам факты. Наш „верховный судья“—коллектив, как мы уже говорили,

„строг“: он „режет“ на „учете“, м. б., больше, чем вы на экзаменах и зачетах, он признал совершенно успевающими лишь 53% студентов, способными успевать 29% и, повидимому, вовсе слабых 18%. „Строгость“ достаточная... но он—и „справедлив“, на то он активно-творческий коллектив: он, в действительности, ведь никого „не режет“,—он учитывает сам себя и умеет учитывать объективно.

XII. Коллектив.

Коллектив, коллектив... это еще одна наша эпидемия. „Семинар“ и „коллектив“—эти слова, вероятно, чаще всего встречаются в настоящей статье. И это потому, что в факсовском лексиконе они занимают „особо-выдающееся“, „ударное“ место. Их произносят у нас на каждом шагу и, тем не менее, всякий раз—с неизменным священным к ним уважением. И это неудивительно: на каждом шагу у нас нападаешь на совершенно отчетливые следы всеобщего пристрастия к всесеминаризации и всеколлективизации—и на каждом шагу чувствуешь и видишь, что без этого нам не удалось бы поднять, м. б., и десятой доли поднятой работы.

О „семинаре“ мы уже говорили. А о „коллективе“... тоже говорили: все предыдущие страницы о факсовосе—да это и есть страницы о коллективе. Нам остается добавить немного.

„Родиной“—„колыбелью“ нашего коллектива следует, по справедливости, признать семинар по социальному воспитанию. Вот отрывок из отчета этого семинара за первый еще триместр:

„Интересно отметить, как в работе семинара организуется коллектив. Во главе стоит организационная „пятерка“, далее—секретариат, руководящий ведением семинарских протоколов и их обработкой; задача этих органов—втянуть в работу всех товарищей. Для характеристики коллективной активности наших сотрудников-студентов можно привести следующие данные: высокую посещаемость до—80-85%, протоколы вели—20 человек, председательствовали—15 студентов, докладчиками выступали—17, выступлений в прениях до 200“.

Так рождается коллектив. Первое его оформление обозначилось тогда, когда семинарская „пятерка“ выросла в триместровую комиссию, о которой мы уже упоминали. Эта триместровая комиссия—в качестве президиума коллектива—провела огромную работу по организации студенчества, подхватывая, направляя и раздвигая инициативу всех товарищей по факсовосу, объединяя студенческий состав в его работе как „академической“, так и организационной, служа—одновременно с этим—прочным связующим звеном между студенчеством и преподавателями и, наконец, принимая деятельное участие в жизни всех факультетских органов.

Эта комиссия выделена из себя секретариат, организаторов кружков и президиум. Она же провела около 15 общих собраний студенчества факультета. Она же активно работала и в студенче всего Ино. Она была тесно и непосредственно связана с отдельными нашими группами, в каждой из ко-

которых имелся свой секретариат, а представитель последнего являлся непременным членом триместр-комиссии.

Амплитуда работы комиссии определяется тем разнообразием вопросов, проработанных ею, о котором можно судить по нижеследующему, напр., перечню: 1) поднятие активности студенчества, 2) организация шевченковского праздника, 3) организация библиотеки, 4) учет работы и его проведение, 5) общежитие, 6) летний триместр... и т. д.

Нам хотелось бы остановиться на нескольких живых примерах выявления организованной силы нашего коллектива.

Так студенты наши сумели поставить свой журнал,—правда, пока еще рукописный, но они надеются и на возможность выпуска нескольких номеров печатным способом. Участием в журнале студенты чрезвычайно интересуются, и вокруг него постепенно вырастает целая литературная студия. Здесь характерным следует признать именно этот последний момент. Журналы среди юношества—вещь обычная: кто не грешил пером в молодости? И чего только нет в этих зеленых журналах?—Все, что угодно, кроме—одного: нет в них, обычно, того чувства *наущенной потребности* взяться за перо, которое нашло свое классическое выражение, скажем, в Толстовском „не могу молчать!“. Писателю из типичного „юношеского“ журнала его писательство—„любезно, приятно, сладостно, полезно, как летом вкусный лимонад“.

Не то—здесь: здесь журнал *необходим*, как хлеб. Он заменяет литературную студию, которой так мы и не в силах оказались в этом году дать нашим студентам. Мы не дали,—так они сами принялись за ее создание. Сюда же относится и студенческий „автосеминар“ по шевченковедению—семинар, созданный исключительно усилиями студенческого коллектива—без руководителя, и семинар достаточно сильный.

Вообще такие автосеминары и автостудии—не в редкость нашему коллективу. Вот сценка, зарисованная совершенно объективным и вполне компетентным наблюдателем—ревизором. Представитель Наркомроса попал к нам на политграмоту. И попал в скандальный для нас момент: заведывающая кафедрой не явилась, а ассистентка, оказалось, была не в курсе дела. Студенты несколько не смутились: выступило несколько докладчиков, доклады живо обсуждались, занятия были проведены до конца. И чувствовалось, что политграмота не из-за угла и не с неба падает на студентов, а что она есть их коллективное дело, близкое им и дорогое: не им ее навязывают, а они сами берут ее и знают, что берут.

Еще одним и, м. б., одним из самых ярких примеров выявления организованной коллективной воли нашего студенчества является история с переходом нашим на украинский язык преподавания.

Мы уже говорили, что значительнейшая часть наших студентов—это молодое селянское учительство Харьковской губ., с организацией УССР оно, у себя в сельских школах перешло на родной ребенку Харьковской губ. язык—язык украинский. Около 4-х последних лет эти люди говорили, учили, читали и писали только по-украински. То же приходится сказать и о той части нашего

студенчества, которая составлялась из бывших питомцев Харьковских 3-х летних педкурсов, где они в течение также 4 последних лет говорили, учились, читали и писали только по-украински. Вместе они составляли до 75—80% нашего факультета. Это была подлинная „украинская стихия“. Факультет встретил их русским языком. Первая же встреча показала, что дело не окончится ладно. Около 20% студентов украинского языка не понимало. Преподаватели на половину были владевшие украинским языком.

Сначала чувствовалось именно взаимоотношение „стихий“: украинской и русской. А это взаимоотношение имеет ядовитую тенденцию претворяться в борьбу двух шовинизмов, в борьбу украинотяпства с русотяпством. И у нас такая борьба назрела. До нее оставался один шаг... Но рядом с этим созрел наш коллектив.

А коллектив это—единый организм. Это—не давление большинства на меньшинство, но взаимное „притирание“ их. Это—постепенное вырастание единой воли. И она выросла. Выросла и безболезненно разрешила „украинорусский вопрос“.

У нас установился такой обычай: пользуясь каждый тем языком, каким хочешь.

И в результате—половина преподавателей перешла на украинский язык преподавания, $\frac{3}{4}$ студентов читали свои доклады и делали свои выступления на украинском языке. Остальные—на русском.

Мы уже приводили точку зрения Главпрофобра на роль украинского языка на факсовосе (см. выше характеристику работы кафедры языковедения). Эта точка зрения на украинский язык, как на язык—*родной* для ребенка Харьковщины, а потому и обязательный для каждого истинного содвосника—студента Харьковского факсовоса,—принята была нашим факультетом *коллективно*, а кафедра языковедения оказала огромные успехи в деле реализации этой точки зрения. Националистический яд этого вопроса был нейтрализован силой коллективистического его разрешения.

16 мая 1922 года коллегия Главпрофобра санкционировала то, что фактически уже более, чем на половину было проведено в жизнь коллективом факсовоса, а именно объявила на Харьковском факсовосе языком преподавания—язык украинский.

На этом нам придется и остановиться. Необходимо лишь сказать еще несколько слов об условиях, в которых рос и развивался наш коллектив.

Вот что пишет об этом все тот же наш студент в „Вістях“:

„Студенчество уже объединилось и организовалось, но этому все время мешает отсутствие *общезжития*, а также—чрезвычайно тяжелые материальные условия жизни студентов. Студенческие квартиры разбросаны по всему Харькову, главным образом—по его окраинам, а то и в предместьях да ближних селах. Материальная необеспеченность студентов очень велика, и можно сказать, что большинство студентов сейчас буквально голодает“.

И все-таки какая-то сила гнала их на вечернюю факультетскую работу в количестве—в среднем до 73%. А ходить приходилось из далека. Один

студент делал ежедневно 25 верст, чтобы бывать на факультете. Значит, расстояния меньшие были не так уж страшны... Конечно, никакой „контроль“ не побудил бы их к этому. Побуждала коллективная воля и интерес—любь в делу.

XIII. Выводы.

— Скорее не выводы, а требования и планы.

Что нам нужно?—Прежде всего ресурсы и помещения. Но это очевидно. Об этом говорилось.

Далее—целый ряд чисто организационных коррективов.

Во первых—в области комплектования студентами. Для нас совершенно ясно, что на факсовос можно принимать только тех, кто уже испытал себя хоть немного на этом „поприще“,—только тех, кто уже практически подходил к детям. И прием таких студентов должен вестись совершенно организованно: через местный губсоввос и его уездные органы. Факультет должен вплотную подойти к тому производству, для которого он готовит квалифицированную силу. И это надо начать с момента приема.

Во вторых,—мы ничего общего не имеем с факпрофобром и никогда ничего общего, очевидно, иметь не будем: наш насильственный брак должен кончиться мирным и честным разводом.

Внутри факультета пред нами стоят сложнейшие задачи:

- а) объединение *всех* кафедр вокруг основных наших лозунгов,
- б) дальнейшее углубление и расширение семинарского метода,
- в) ликвидация многопредметности и вытягивание факультета по одной основной линии,

г) решительное слияние работы соввосно-академической (на факультете) работой соввосно-производственной (в детучреждениях).

д) интеграция факультета должна сочетаться с его глубокой дифференциацией, но отнюдь—не в отношении задач, планов и методов, а лишь в отношении—к индивидуальным и групповым особенностям студенчества,—деление не на отделения и секции, а на группы, подобные вышеуказанным.

На ряду с этим стоят задачи по улучшению положения кафедр в смысле обеспечения их высококвалифицированными специалистами и учебно-научным оборудованием—с одной стороны и улучшения положения студенчества—с другой.

Студенчеству прежде всего необходимо вполне оборудованное общежитие. Не только для облегчения его материальной нужды. Жестоким опытом показал нам воочию, что организовать коллектив без общежития—все равно, что преподавать физику без приборов. Сколько энергии было бы сохранено и более рационально потрачено—будь у нас общежитие!

Дальше так нельзя!

Твердыми шагами идем мы по пути организации новой советской высшей школы, новой истинно-педагогической соввосной высшей школы. Ни 25

вероятные расстояния, ни голод и холод, ни отсутствие людей и помещений, ни книжный холод—ничто не запугало нас. Пойдем и дальше—во чтобы то ни стало.

Но нам должны помочь.

И помогут.